Улыбка дьявола

Алекс Родионов

18+

Алекс Родионов

Улыбка дьявола

«Автор»
2026

Родионов А. А.

Улыбка дьявола / А. А. Родионов — «Автор», 2026

Вечер после работы: душ, тёмное вино, тишина. У каждого на левой руке проступило число — у рассказчика 14207. В выходной оно стоит, в будни убывает: 14202, 14102. Разряд смещается сам, без спроса. Он ловит пескаря и отпускает, везёт детей на горки, встаёт в пять сорок к запотевшему стеклу — и вдруг понимает: число не метка и не судьба. Это касса. Оно считает не время, а бег — часы жизни, отданные за тепло в доме. Не дьявол — обмен, который был всегда, просто раньше без числа. И плакать хочется не от страха: от того, что воскресений было больше, чем пятниц, а он не смотрел на руку. А у других — точно так же.

© Родионов А. А., 2026
© Автор, 2026

Алекс Родионов
Улыбка дьявола

Рабочий день закончился — и вместе с ним ушло то напряжённое, спрессованное время, когда надо было успевать всё и сразу, когда сам день похож на очередь, в которой ты стоишь с самого утра. Осталось одно: доехать домой. На машине — через пробки, сквозь мокрый свет фар, или в метро — в качающемся вагоне, где все молчат и смотрят в одну точку. И вот ты дома.

В душе вода струйками сбегает по плечам, по спине, по животу — и уносит с собой тяжесть, которую таскал с самого утра, не замечая, что она лежит на загривке. Сначала просто вода. Потом — как будто кто-то разжал ладонь, которую ты держал сжатой весь день. Душа вздрогнула — не от холода, а от того, что наконец можно не бежать. И улыбнулась. Не широко — краешком, как улыбаются, когда никто не видит.

Готовить не хочется. Достаю хорошее вино — тёмное, почти непрозрачное на свет, — наполняю бокал и делаю мелкий глоток. Не глоток даже — касание. Тело наполняется не нектаром — просто вином, пахнущим солнцем и пылью с французских виноградников, тем сухим жаром, который бывает в конце августа на склоне, когда уже не хочется никуда идти. Пьёшь не торопясь. Не потому что надо растянуть — потому что спешить некуда.

Я не думаю о техническом прогрессе. Об искусственном интеллекте. О том, что там ещё придумали, пока я стоял в очереди и ехал в метро. Я растворяюсь в просторе, где мне легко и свободно, — и это не побег, это просто вечер.

На работе сказали: у каждого на левой руке проступит число. Сказали буднично, как говорят про новый порядок в столовой или про то, что с понедельника меняют пропуска. Я посмотрел на свою руку — между большим и указательным, там, где кожа тоньше всего, — и налил ещё вина. У нас давно есть ИНН и другие числа. Мы к ним привыкли, как привыкают к шуму за окном — перестаёшь слышать, но он есть. А это — ещё одно. За номером 14207.

Хорошее число. Ровное. Но лучше бы в валюте, в месяц.

Эх, душа. Ты наивная и смешная. Впереди выходной.

Гараж. Рыбалка. Что ещё надо для счастья — я и сам не знаю, но когда произносишь эти три слова подряд, внутри что-то укладывается, как вещи в багажник: ровно, без лишнего.

Пробираюсь по густой траве — она высокая, ещё мокрая от ночи, цепляется за штанины, — раздвигаю ветки ивы, длинные, послушные, они скользят по лицу как прохладные пальцы, и ищу пятачок. Не просто место — пятачок: где берег чуть вдаётся в воду, где можно расставить удочки так, чтобы не мешали друг другу, чтобы леска не путалась, чтобы сидеть было удобно и долго. Нашёл. Вода тихая, течёт медленно, как будто ей тоже некуда спешить, — она не блестит, она тёмная, спокойная, в ней только небо и ветки. Лишь мошкара пикирует — то на меня, то вдоль воды, то снова на меня, как будто у неё тоже очередь и я в ней следующий.

Вдруг поплавок вздрогнул. Вначале лениво — так, будто кто-то снизу тронул его пальцем и раздумал. Потом — резко, вправо, без предупреждения. Я подсёк — не от головы, от плеча, всем телом, как учили ещё пацаном на пруду, — надеясь на большую, на ту, ради которой встают в пять сорок и едут в гололёд. Но на крючке трепыхается мелкий пескарь — ладошка, не больше, тёмная спинка, рот, который ещё не умеет обидеться. Ах ты, бедолага. Несмышлёный. Освобождаю его — аккуратно, под жабры не беру, мокрыми пальцами, чтобы не сжечь слизь, — и выпускаю в воду. Он не уплывает сразу: стоит у ладони, чуть шевелит плавниками, будто не верит. Плыви. Плыви — и не попадайся. Не потому что я добрый. Потому что и тебе надо, чтобы хоть раз отпустили.

Воскресенье — день вообще особенный. Не выходной среди недели, а тот, у которого вкус другой. Я иду с детьми в парк — не «веду», а иду, они впереди, я сзади, как буксир, который только делает вид, что тянет, — покатать их на горках. Там громкие крики — не мои,

всех, — счастливый смех детей, тот самый, который не подделать, потому что он выдыхается, а не произносится, и воздух такой плотный от этого смеха, что его можно нести в ладонях. Атмосфера праздника — не та, что с шариками и ведущим, а та, что случается сама, когда у людей есть день и они не обязаны никуда бежать. Я стою у края площадки, в тени, с бумажным стаканом остывшего кофе, и смотрю, как они скатываются — раз, ещё раз, ещё, — и не зову, не считаю, не тороплю. Просто смотрю. Это и есть воскресенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.